

Maurice
LEBLANC
1864 – 1941

Морис
ЛЕБЛАН

*Признания
Арсена Люпена*

Санкт-Петербург

*Признания
Арсена Люпена*

СОЛНЕЧНЫЕ ЗАЙЧИКИ

— Люпен, расскажите что-нибудь.

— Да о чем? Вы и так знаете всю мою жизнь, — отозвался Люпен, подремывавший на диване у меня в кабинете.

— Никто ее не знает! — воскликнул я. — Вы публикуете в газетах письмо, из которого следует, что в одном деле вы замешаны, другое наладили... Но мы понятия не имеем ни о вашей истинной роли в этой истории, ни о ее подоплеке, ни о развязке драмы.

— Ба! Кому интересны эти сплетни?

— Неужели, по-вашему, никого не интересуют пятьдесят тысяч франков, подаренные вами жене Николя Дюгриваля? Или таинственный способ, к которому вы прибегли, распутывая загадку трех картин?

— Да, загадка была не из простых, — согласился Люпен. — Предлагаю для нее заглавие: «По подсказке тени».

— А ваши светские успехи! — продолжал я. — Похождения галантного Арсена! А тайна ваших благодеяний! Все те случаи, на которые вы так часто *мне* намекали: «Обручальное кольцо», «Смерть бродит вокруг» и прочее! Люпен, решайтесь!

Люпен к этому времени уже успел прославиться, но главные его подвиги были еще впереди. Ему только предстояли «Полая игла» и «813». Не помышляя

о том, чтобы присвоить древние сокровища французских королей или похитить Европу из-под носа у кайзера, он довольствовался менее дерзкими деяниями и более скромными доходами и растрачивал жизнь в каждодневных трудах, изо дня в день творя зло, так же как и добро, — от полноты души, из прихоти, подобно новому Дон Кихоту, движимому то жаждой развлечений, то состраданием.

Люпен хранил молчание, и я повторил:

— Ну же, решайтесь!

— Возьмите карандаш и лист бумаги, — к моему изумлению, откликнулся он.

Я поспешно повиновался, радостно предвкушая, как он продиктует мне наконец одну из тех своих историй, которые звучат в его изложении так вдохновенно и занимательно и которые я, к прискорбию своему, вынужден портить тяжеловесными пояснениями и скучными подробностями.

— Готовы? — спросил он.

— Готов.

— Пишите: восемь — один — одиннадцать — четырнадцать — четыре.

— Что?

— Пишите, говорю вам.

Он сидел на диване, не сводя глаз с отворенного окна, а пальцы его сворачивали папиросу с восточным табаком.

— Пишите: девятнадцать — семнадцать — пятнадцать — двадцать девять — двадцать один — один, — продолжал он и, помолчав, добавил: — Три.

Потом, после новой паузы:

— Восемнадцать — четырнадцать — двенадцать.

Не сошел ли он с ума? Я взгляделся в него и постепенно заметил, что из глаз его за последние минуты исчезло выражение скуки, в них затеплилось

внимание, и, устремленные в пространство, они, казалось, следили за каким-то захватывающим зрелищем.

В то же время он диктовал, делая остановку после каждой цифры:

— Двадцать три — восемнадцать — четырнадцать — два — двадцать семь.

В окне виднелись только клочок голубого неба справа да фасад противоположного дома, старого особняка, ставни которого были, как всегда, затворены. Там не заметно было ничего необычного, ничего нового по сравнению с той картиной, которую я наблюдал много лет подряд...

— Девять — восемь — два — шесть — четыре — один — восемнадцать — двадцать шесть.

И вдруг я понял. Вернее, мне показалось, что я понял. Нельзя же ведь предположить, что Люпен, у которого под маской иронии таится столько рассудительности, станет тратить время на простое ребячество? Итак, сомневаться не приходилось: Люпен и в самом деле считал отражения солнечного луча, которые с перерывами вспыхивали на почерневшем фасаде старого дома, на уровне третьего этажа.

— Четырнадцать — пятнадцать — один — семнадцать — восемнадцать — тринадцать — четырнадцать — семнадцать — восемнадцать — девять.

Солнечный зайчик на несколько мгновений исчез, потом раз за разом через равные промежутки времени вновь заскользил по фасаду и вновь исчез. Я машинально подсчитал и выпалил:

— Девять...

— А, заметили? Ну-ну! — усмехнулся Люпен.

Он подошел к окну и нагнулся, словно пытаясь точно установить, в каком направлении тянулся луч. Потом опять улегся на канаве и заявил:

— Теперь ваша очередь считать.

Я повиновался: казалось, этот несносный человек знает, чего хочет. Вдобавок мне и самому стало любопытно, что означает столь правильное чередование солнечных зайчиков на фасаде, напоминавшее сигналы маяка.

Наверное, источник этих лучей находился в доме, расположенном на нашей стороне улицы; косые солнечные лучи били в это время дня прямо мне в окна. Казалось, кто-то все время открывает и закрывает оконную раму или, вернее, пускает для забавы зайчики с помощью карманного зеркала.

— Какой-нибудь малыш развлекается! — воскликнул я через секунду: порученное нелепое дело начинало раздражать меня именно своей нелепостью.

— Все равно продолжайте!

Я считал. Записывал цифры. А солнце по-прежнему плясало передо мной с какой-то воистину математической правильностью.

— Что дальше? — спросил Люпен, когда очередной перерыв затянулся.

— По-моему, все кончилось. Уже несколько минут ничего.

Мы выждали, и, поскольку сигналов больше не поступало, я шутливо заметил:

— Сдается, мы напрасно теряли время. Добыча-то уж больно мала — несколько цифр на бумаге.

Люпен отозвался, не вставая с дивана:

— Не откажите в любезности, мой друг, замените каждую цифру соответствующей буквой алфавита: вместо единицы — А, вместо двойки — Б и так далее.

— Но это нелепость!

— Мало ли мы их совершаем в жизни! Одной больше, одной меньше...

Я смирился, принялся за эту дурацкую работу и выписал первые буквы: З — А — Л — О — Г...

— Слово! Получилось слово! — с изумлением закричал я.

— Продолжайте, друг мой.

Я продолжил, и следующие буквы сложились в другие слова. В итоге, к величайшему моему удивлению, на бумаге возникла целая фраза.

— Закончили? — осведомился Люпен.

— Закончил. Между прочим, тут не все в порядке с орфографией.

— Не обращайтесь внимания. Читайте не спеша.

И я прочел незавершенную фразу. Привожу ее здесь в том виде, в каком записал.

Залог успеха в том, чтобы избегать опасности и нападений, с огромной осторожностью противостоять вражеским силам и...

Меня разобрал смех.

— Ну и ну! Вот нас и просветили! Согласитесь, Люпен, что не так уж много почерпнули мы из этих мудрых советов, сочиненных какой-нибудь кухаркой.

Храня презрительное молчание, Люпен встал и схватил листок.

Позже я вспомнил, что в тот самый миг случайно скользнул взглядом по стенным часам. На них было восемнадцать минут шестого.

Люпен так и стоял с листком в руках, и на его совсем юном еще лице я, к своей радости, заметил ту мгновенную смену выражений, которая вводила в обман самых изощренных наблюдателей: в подвижности черт была его главная, самая надежная защита. По каким приметам прикажете узнавать лицо, которое умеет маскироваться даже без помощи грима,

причем каждое мимолетное выражение его кажется самым естественным, обычным? Да, по каким? Ну, одну неизменную приметку я все же знал: две морщинки, крест-накрест пересекавшие лоб в минуты усиленной работы мысли. Вот и теперь я отчетливо увидел этот крошечный предательский крестик.

— Детские забавы! — прошептал Люпен, отложив бумагу.

Часы пробили половину шестого.

— Как! — воскликнул я. — Вы нашли разгадку? За двенадцать минут?

Он прошелся по комнате — вправо, потом влево, раскурил папиросу и сказал:

— Будьте любезны, позвоните барону Репстейну и предупредите, что в десять вечера я буду у него.

— Барону Репстейну? — переспросил я. — Мужу знаменитой баронессы?

— Да.

— Вы не шутите?

— Какие там шутки!

Совершенно сбитый с толку, но не в силах ему противиться, я открыл телефонный справочник и снял трубку. Но тут Люпен, по-прежнему не отводя глаз от листа бумаги, который он вновь взял со стола, остановил меня властным движением руки:

— Нет, погодите... Предупреждать его не стоит. У нас есть более срочное дело. Странная история! Она меня крайне интересует... Почему, скажите на милость, эта фраза не закончена? Почему эта фраза... — Он поспешно схватил трость и шляпу. — Пойдемте. Если я не ошибаюсь, здесь требуется быстрое решение, а я полагаю, что не ошибаюсь.

— Вам что-нибудь известно?

— Покамест ничего.

На лестнице он взял меня под руку и добавил:

— Я знаю то же, что и все. Барон Репстейн, финансист и спортсмен... его лошадь Этна выиграла в этом году дерби в Эпсоме... так вот, барон Репстейн стал жертвой собственной жены: эта дама, славившаяся дивными белокурыми волосами, роскошными туалетами и расточительностью, две недели назад сбежала, прихватив три миллиона, похищенные у мужа, и целую коллекцию бриллиантов, жемчугов и прочих драгоценностей, доверенную ей герцогиней де Верни, которая собиралась их продавать. Вот уже две недели за баронессой идет погоня во Франции и всей Европе. Выйти на ее след легко: она швыряет золото направо и налево. То и дело преследователям кажется, что они ее настигли. Не далее как позавчера представитель нашей полиции, неподражаемый Ганимар, задержал в Бельгии, в большом отеле, некую путешественницу, против которой имелись самые неопровержимые улики. Когда навели справки, оказалось, что это известная дама полусвета Нелли Дарбель. Баронесса же неуловима. Со своей стороны, барон Репстейн посулил награду в сто тысяч франков тому, кто найдет его жену. Деньги эти хранятся у нотариуса. Кроме того, чтобы возместить герцогине де Верни ее потери, он только что продал одновременно скаковые конюшни, особняк на бульваре Осман и замок в Роканкуре.

— И средства, вырученные от этой продажи, тут же от него уйдут. Завтра, если верить газетам, герцогиня де Верни их получит. Не понимаю одного: какое отношение имеет эта история, которую вы так прекрасно резюмировали, к таинственным сигналам?

Люпен не удостоил меня ответом.

Мы прошли метров сто пятьдесят — двести по улице, на которой я жил, когда вдруг он свернул с тротуара и принялся осматривать доходный дом,

судя по всему построенный довольно давно и густонаселенный.

— По моим расчетам, — сказал Люпен, — сигналы исходили отсюда, скорее всего из того окна — оно и сейчас отворено.

— На четвертом этаже?

— Да.

Он подошел к привратнице и спросил:

— Скажите, кто-нибудь из ваших жильцов имеет отношение к барону Репстейну?

— Еще бы! Разумеется! — воскликнула добродушная женщина. — У нас живет славный господин Лаверну, секретарь и управляющий барона. Я у него веду хозяйство.

— Можно его повидать?

— Повидать? Он, бедняга, тяжело болен.

— Болен?

— Вот уже две недели. После происшествия с баронессой... На другой день он пришел домой в жару и слег.

— Но он встает?

— Почем мне знать!

— Неужто не знаете?

— Да нет, доктор велел никого к нему не пускать.

Он забрал у меня ключ.

— Кто забрал?

— Доктор. Он приходит два-три раза на дню и сам за ним ухаживает. Да он минут двадцать назад отсюда ушел... Такой старичок, бородатый, седой, в очках, совсем дряхлый... Куда же вы, месье?

— К нему. Проводите меня, — бросил Люпен; он уже взбежал по лестнице. — Четвертый этаж, налево, не так ли?

— Но к нему нельзя, — причитала привратница, взбираясь следом. — И потом, у меня же нет ключа... Доктор ведь...

Так они добрались до четвертого этажа. На площадке Люпен извлек из кармана какой-то инструмент и, не слушая возражений, вставил его в замок. Дверь почти сразу подалась. Мы вошли.

В конце небольшой темной комнатки виднелся свет, проникавший сквозь полуоткрытую дверь. Люпен бросился туда и на полдороге вскрикнул:

— Ах, черт, опоздали!

Привратница, словно в изнеможении, опустилась на колени.

Я тоже вошел в спальню и увидел полуголого человека, распростертого на ковре; руки и ноги у него были скрючены, лицо страшно бледное, исхудавшее настолько, что под кожей проступали кости черепа, в глазах застыл ужас, а рот скривился в пугающем оскале.

— Он мертв, — проговорил Люпен после беглого осмотра.

— Как! — вскричал я. — Следов же крови нет.

— Нет, есть, — возразил Люпен, указав на несколько красных капелек на груди трупа, под запахнутой сорочкой. — Смотрите: убийца одной рукой схватил его за горло, а другой уколол в сердце. Я говорю «уколол», потому что ранка почти незаметна. Вероятно, укол был сделан очень длинной иглой.

Он осмотрел пол вокруг. Ничто не привлекло его внимания — ничто, если не считать маленького карманного зеркала, с помощью которого господин Лаверну пускал солнечные зайчики.

Тут привратница заохала и попыталась было позвать на помощь, но Люпен остановил ее словами:

— Замолчите! И слушайте. Созвать людей еще успеете... Слушайте меня и отвечайте. Это крайне важно. Кто-нибудь из друзей господина Лаверну жи-

вет на вашей улице? Близкий друг? Направо по этой стороне улицы?

— Да.

— Господин Лаверну встречался с ним по вечерам в кафе и обменивался иллюстрированными журналами?

— Да.

— Его имя?

— Господин Дюлатр.

— Адрес?

— Дом девяносто два.

— И еще одно: давно к нему ходит этот старик-доктор, о котором вы упомянули, — седобородый и в очках?

— Нет. Я его раньше не знала. Он пришел в тот самый вечер, как господин Лаверну заболел.

Не сказав больше ни слова, Люпен опять потащил меня за собой по улице; вскоре мы миновали мою квартиру. Через четыре дома он остановился напротив девяносто второго номера — это был невысокий домишко с винной лавкой на первом этаже; хозяин ее покурил на пороге. Люпен осведомился, дома ли господин Дюлатр.

— Господин Дюлатр ушел, — ответил виноторговец. — Этак с полчаса назад. Мне показалось, он чем-то взволнован: сел в автомобиль и уехал, а это вовсе не в его привычках.

— Не знаете ли вы...

— Куда он так спешил? Ей-богу, никакой тайны из этого он не делал, так что я смело могу сказать вам куда. Он выкрикнул адрес довольно громко. «В префектуру полиции!» — так он приказал шоферу.

Сначала Люпен тоже захотел остановить таксомотор, но, быстро передумав, прошептал:

— Стоит ли? У него слишком большая фора...

А потом спросил, не приходил ли кто-нибудь к господину Дюлатру после его отъезда.

— Как же, как же! Пожилой господин в очках, с седой бородой. Он поднялся к господину Дюлатру, позвонил и ушел.

— Благодарю, месье, — произнес Люпен и откланялся.

Ничего мне не объясняя, он медленно шел по улице, и вид у него был озабоченный. Вне всяких сомнений, задача представлялась ему весьма трудной; едва ли он хорошо ориентировался в этих потемках, хоть и держался вполне уверенно.

Впрочем, немного погодя он сам признался:

— Бывают случаи, когда требуется не столько анализ, сколько интуиция. А этим делом, черт побери, явно стоит заняться.

Мы дошли до Бульваров. Люпен заглянул в читальню и бесконечно долго рылся в газетах за последние две недели. Время от времени он бурчал себе под нос:

— Так-так... Это, конечно, лишь гипотеза, но она проливает свет на все. А от гипотезы, способной ответить на все вопросы, недалеко и до истины.

Стемнело. Мы поужинали в каком-то ресторанчике; я видел, что лицо Люпена мало-помалу проясняется. Жесты его становились все увереннее, он повеселел, оживился. Когда мы уходили и потом, на пути к дому барона Репстейна, расположенному на бульваре Осман, куда повел меня мой друг, это уже был прежний Люпен — такой, каким он становился в ответственные минуты, принимая решение и устремляясь к победе.

Немного не доходя до улицы Курсель, мы убавили шаг. Барон Репстейн жил по правую руку, между

этой улицей и улицей Фобур-Сент-Оноре, в трехэтажном особняке, фасад которого, украшенный колоннами и кариатидами, был нам уже виден. Внезапно Люпен скомандовал:

- Стоп!
- В чем дело?
- Еще один довод в пользу моей гипотезы.
- Какой? Я ничего не вижу.
- Зато я вижу.

Он поднял воротник пальто, опустил поля мягкой шляпы и отчеканил:

— Черт побери! Поединок будет жестокий. Идите лучше домой, мой милый. Завтра я опишу вам свою экспедицию... если, конечно, она не будет стоить мне жизни.

— Как-как?

— Что поделать, опасность нешуточная. Во-первых, мне грозит арест — но это еще полбеды. Во-вторых, смерть, и это уже хуже! Однако... — Он сдвинул мне плечо. — Однако есть и третья опасность: я могу прикарманить два миллиона. А если я отхвачу куш в два миллиона... мало ли на что я буду способен. Спокойной ночи, милый друг, и если мы больше не увидимся...

Тут он продекламировал:

На кладбище иву посадите,
Чтоб она склонялась надо мной...¹

Я поспешил удалиться. Три минуты спустя (продолжаю мое повествование, следуя тому, что рассказал мне Люпен на другой день) мой друг звонил у дверей особняка Репстейна.

¹ Люпен цитирует строчки из стихотворения А. де Мюссе «Люси». (*Здесь и далее, кроме оговоренных случаев, примеч. переводчиков.*)